

## СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «БЫТИЙНЫЙ РЕГИОН» И «ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ» В КОНТЕКСТЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ М. ХАЙДЕГГЕРА

© 2014

**И.В. Дёмин**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории

*Самарский государственный аэрокосмический университет им. С. П. Королёва, Самара (Россия)*

**Н.М. Богданова**, аспирант, ассистент кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований  
*Самарский государственный университет, Самара (Россия)*

*Ключевые слова:* бытийный регион; предметная область; региональная онтология; герменевтическая феноменология; история; Хайдеггер.

*Аннотация:* В статье проводится концептуальное разграничение понятий «бытийный регион» и «предметная область», определяется значение этого разграничения для герменевтической феноменологии. Соотношение «бытийного региона» и «предметной области» проясняется на материале истории (исторического сущего) и связывается с разграничением региональных онтологий и частных позитивных наук.

Вопрос о соотношении понятий «бытийный регион» и «предметная область» имеет принципиальное значение в контексте герменевтической феноменологии. Именно концептуальное различие этих понятий, которого не знала классическая европейская философия, во многом определяет специфику и проблематику этого философского направления. Однако значимость данного вопроса не исчерпывается его ролью в деле «самопонимания» герменевтической философии. Прояснение соотношения указанных понятий позволяет по-новому взглянуть и на проблему соотношения философии и частных («позитивных») наук.

В горизонте хайдеггеровской герменевтической феноменологии философия предстаёт как онтология, онтологическая наука, или наука о *бытии*. В этом смысле философия является *непозитивной* наукой, так как она не соотносится с *сущим*. Однако разработка бытийного вопроса и, соответственно, онтологии может осуществляться не иначе, как через «опрашивание» того сущего, которое не просто *есть* («имеет бытие» или «имеется в бытии»), но и способно *понимать* своё бытие, на предмет его *бытийного устройства*. Так, Dasein (человеческое «присутствие» или «вот-бытие») становится темой приоритетного интереса Хайдеггера.

Хайдеггер неоднократно подчёркивал, что Dasein, не составляет *отдельного* или *выделенного* региона сущего, который *наряду с другими* регионами попадает в поле зрения философской рефлексии. Dasein есть не *регион сущего*, но «пространство» или измерение, в котором и из которого те или иные бытийные регионы конституируются и обретают свой смысл. Экзистенциальная аналитика Dasein, следовательно, не может быть истолкована в качестве *одной из* философских дисциплин («философской антропологии» [1, S. 45–50]) наряду с другими («философией природы», «аксиологией» или «социальной философией»). Экзистенциальная аналитика Dasein представляет собой не *региональную*, но *фундаментальную* онтологию. Это означает, что экзистенциальная аналитика имеет дело с *исходными*, то есть *нерегиональными* феноменами [2, с. 70]. К таковым относятся, в частности, «понимание», «речь», «мир», «история» и др.

Принципиальное значение хайдеггеровского философского проекта заключается в том, что в горизонте герменевтической феноменологии открывается возможность для *переосмысления* существующих философских «дисциплин» в новом – *постметафизическом* и *неме-*

*тафизическом* – ключе. Возможность такого переосмысления связана с разработкой концептов «региональная онтология» и «бытийный регион» [3, с. 182–189].

Существенное значение в контексте нашей темы имеет проводимое и обосновываемое Хайдеггером *растождествление* понятий «сущее» и «предмет» (или «объект»). В работе «Основные проблемы феноменологии» Хайдеггер разбирает вопрос, всякое ли сущее всегда и изначально есть «объект»? В частности, «должны ли природные явления быть объектом, чтобы стать тем, что они есть?» [4, с. 207] В горизонте герменевтической феноменологии ответ на этот вопрос может быть только *отрицательным*. Сущее может быть *редуцировано* к объекту, что и происходит в новое время, в частности, в философии Декарта, однако сущее в его *собственном бытии*, сущее *само по себе* изначально не *есть* «объект». «В результате этой характеристики сущего как объекта, пред-мета я утрачиваю в качестве проблемы сущее само по себе, в его собственном, ему присущем бытии и удерживаю сущее как *пред-стоящее, пред-мет*» [4, с. 207].

«Объектность» или «предметная противопоставленность» сущего вовсе не является его *изначальным, нередуцируемым* и «аутентичным» способом бытия [5, с. 5–10]. «Предметное» не изначально, «предметное» – это всегда *опредмеченное*. Опредмечивание сущего, *редукция сущего к объекту*, есть одна из определяющих «интенций» новоевропейской науки и метафизики. Предметная (опредмеченная) область наличного сущего и «позитивная наука» – это понятия строго соотносительные: предметная область – это всегда область исследования той или иной позитивной науки, а позитивная наука всякий раз имеет дело с той или иной областью *опредмеченного сущего*.

Опредмечивание сущего конститутивно для позитивных наук и, по сути, является их *онтологической предпосылкой*: «Центральный момент опредмечивания сущего, того опредмечивания, в котором конституируются позитивные науки <...> заключается в наброске бытийного устройства того сущего, которое должно стать предметом» [4, с. 427]. Набросок бытийного устройства, сам по себе, однако, ещё не представляет собой «исследования *бытия* соответствующего сущего» [4, с. 427]. Та или иная позитивная наука всякий раз имеет дело с сущим, *разомкнутым* в том или ином «наброске бытийного устройства», но при этом сама наука, имеющая своим предметом ту или иную область

опредмеченного сущего, не тематизирует и не исследует этот «набросок». Соответственно, *способ бытия* того сущего, с которым имеет дело наука, оказывается для науки принципиально *закрыт, неуловим*.

В «Цолликоновских семинарах» Хайдеггер характеризует этот «набросок бытийного устройства» как «*априорный проект*» (в частности, речь идёт об «априорном проекте физики Нового времени» [6, с. 185]). «Вопрос: “что есть сущее как сущее?” – это вопрос онтологии, вопрос о бытийной структуре сущего. Поскольку любая наука имеет дело с некоторой областью сущего, то она с необходимостью уже связана и соотносена с открываемостью этого сущего как сущего, а значит, с основными определениями его бытия» [6, с. 185]. Основные определения (или параметры) бытия того или иного региона сущего как раз и составляют *содержание* всякого априорного проекта, по Хайдеггеру.

Хайдеггер подчёркивает, что «бытийное устройство» той предметной (опредмеченной) области сущего, которую всякая позитивная наука предполагает, «само, согласно своему смыслу, оказывается для позитивной науки недоступным, коль скоро бытие не есть сущее и, соответственно, требует совершенно иного способа постижения» [4, с. 66]. Согласно Хайдеггеру, всякое «научное», тематическое полагание сущего «заключает в себе априорное знание и априорное понимание бытия этого сущего, хотя позитивный опыт сущего ничего не знает об этом понимании и не может выразить в понятии то, что в этом понимании дано» [4, с. 66]. Бытийное устройство той или иной предметной области сущего принципиально недоступно позитивной науке, оно «доступно только совершенно иной науке – философии как науке о бытии» [4, с. 66]. Другими словами, то, во всякой науке заранее уже предполагается, – это *региональная онтология* [6, с. 265], разрабатывающая бытийную структуру того или иного региона сущего, который в результате опредмечивания конституируется в *предметную область наличного*, изучаемого той или иной позитивной наукой.

Конститутивное для наук опредмечивание, в свою очередь, возможно благодаря тому, что само бытие опредмечиваемого сущего *не сводится* в его предметной противопоставленности субъекту. Сущее (например, *природа*) должно *быть*, то есть должно *размыкаться* в присутствии ему специфическом способе или модусе бытия ещё *до* всякого научного опредмечивания.

В статье «Наука и осмысление» Хайдеггер эксплицирует «бытийный регион» и «региональную онтологию» в качестве *не-обходимого* для конкретного научного познания: «Теория никогда не пройдет мимо заранее уже присутствующей природы, <...> она никогда без природы не обойдется» [7, с. 247]. Аналогичным образом дело обстоит и с другим бытийным регионом – *историей*. Историография имеет дело с определённой предметной областью, с *историческим суцим*. Но «история вовсе не создается впервые историографическим рассмотрением» [7, с. 247]. Историческое, чтобы быть историческим вовсе ещё не нуждается в историографии, в историографической тематизации. «События совсем не обязательно вписываются в историографию. Раскрывается ли событие в своем существе только через историографию и для историографии или же оно скорее заслоняется историографическим опредмечива-

нием – это для исторической науки остается неразрешимым. Решающим, однако, является то, что за теоретической историей высится как не-обходимое история событий» [7, с. 248].

История как *бытийный регион*, история как *история событий* является «не-обходимым» для всякой историографической тематизации. История как *история событий* есть то, без чего историография не может *обойтись*, а также и то, что она не может *обойти*, то к чему она так или иначе всякий раз *возвращается*. Обратим внимание, что «не-обходимое» – это не *предметная* (то есть *опредмеченная* в рамках «априорного проекта» науки) область наличного сущего, это «*бытийный регион*», имеющий собственную онтологическую структуру и собственные параметры бытия ещё *до* всякого опредмечивания, *до* всякой научной тематизации [8, с. 58–61].

Хайдеггер подчёркивает, что «не-обходимое лежит в существе каждой науки» [7, с. 248]. В разных науках это «природа», «человек», «исторические события», «язык» и пр. «бытийные регионы». «Предметная противопоставленность, в которой выступают соответственно природа, человек, исторические события, язык, сама по себе всегда остается в принципе только одним из способов их при-сутствия, причем то или иное присутствующее, конечно, может, но никогда не обязано проявляться непременно в нем» [7, с. 249]. Другими словами, бытие природы, человека, истории, языка *не исчерпывается* их «предметной противопоставленностью» науке и субъекту научного познания. Бытийный регион, как явствует из приведённой цитаты, может вообще не быть предметной областью той или иной науки. От этого он не перестает быть бытийным регионом с присущей ему бытийной структурой.

Что, однако, является основанием для выделения бытийных регионов в контексте хайдеггеровской фундаментальной онтологии? Этот вопрос имеет принципиальное значение. Как отмечает А.Б. Паткуль, «Проблема различия регионов имеет прямое отношение к проблеме внутренней архитектоники философского знания, к порядку его тем, а также к проблеме возможности осмысленного соотношения философии и нефилософских наук» [9, с. 16].

Путеводной нитью при рассмотрении этого вопроса должен стать хайдеггеровский тезис о множественности возможных *модификаций бытия* (или *способов бытия*). В «Основных проблемах феноменологии» этот тезис сформулирован следующим образом: «Каждое сущее имеет некоторый способ быть. Вопрос в том, носит ли этот “способ-быть” в каждом сущем один и тот же характер – как это полагала античная онтология и, в сущности, вынуждена утверждать и последующая философия вплоть до сего дня – или отдельные способы бытия различаются между собой» [4, с. 22].

Согласно Хайдеггеру, сущее различается не только по своему «что» (содержанию), но также и по *способу своего бытия*. Причём именно различие по способу бытия является собственной темой онтологии. Но бытие сущего (несоизмеренного Dasein, «неприсутствие-размерного») при этом нельзя рассматривать в отрыве от бытия Dasein, в отрыве от бытия–в–мире. Способ бытия (неприсутствие-размерного) сущего – это всегда «также» и какой-то модус бытия–в–мире Dasein. Слово

«также» здесь, впрочем, не вполне уместно, так как *сущее открывается как сущее всегда в определённом модусе экзистирования Dasein*.

А.Б. Паткуль показывает, что «различие способов бытия для Хайдеггера выступает первым основанием для различия регионов, которые выступают для него в качестве именно регионов так-то и так-то сущего» [9, с. 17]. В основании различения регионов лежит различение способов (или модусов) бытия сущего. Различение *бытийных модусов* (и коррелятивных им *бытийных регионов*) имеет *априорный* характер и является делом фундаментальной онтологии, а не частных позитивных наук.

Вопрос о соотношении понятий «бытийный регион сущего» и «предметная область науки» обсуждается М. Хайдеггером также в работе «Пролегомены к истории понятия времени». Хайдеггер отмечает, что «нам привычно и мы склонны видеть историю и природу сквозь призму наук, которые их изучают» [10, с. 8]. «Однако еще не решено, действительно ли некоторая предметная область с необходимостью дает нам также то поле действительности, из которого впервые извлекается тематика наук» [10, с. 8]. «Поле действительности» (или «бытийный регион») есть, таким образом, лишь *возможный* предмет (или *предметная область*) соответствующей позитивной науки. Так, «история» и «природа» – это не *только* и не *прежде всего* «предметные области науки», но исходно – «бытийные регионы».

То существенное, что всякий раз необходимо остаётся скрытым от науки (научного изучения, научной тематизации), есть *способ бытия* и *бытийные структуры* соответствующего бытийного региона. Принципиальным следствием такой трактовки соотношения понятий «бытийный регион сущего» и «предметная область науки» становится то обстоятельство, что философия в горизонте герменевтической феноменологии уже не может довольствоваться той *спонтанно сложившейся* дифференциацией «предметных областей», которая всякий раз уже имеет место быть и предполагается в позитивных науках. Иными словами, выделение *бытийных регионов* и, соответственно, *региональных онтологий* не может быть приурочено к имеющейся в современной науке дифференциации предметных областей и «дисциплин».

Хайдеггер подчёркивает, что феноменология соответствующих бытийных регионов, истории и природы, – это не «теория наук» и не феноменология «объектов» науки. «Феноменология <...> истории и природы, – отмечает Хайдеггер, – должна раскрыть действительность именно так, как она показывает себя прежде, чем наука обращается к ней со своими вопросами, и в качестве той действительности, данность которой предшествует вопросам науки: не феноменология наук об истории и природе и не феноменология истории и природы как объектов этих наук, но феноменологическое раскрытие изначального способа бытия и конституции истории и природы» [10, с. 8]. Феноменология истории как *региональная онтология исторического* имеет дело с *самой историей в её специфической «реальности»*, а не с историей, какой её «знает» историография, то есть не с историей как *объектом исторической науки*. Феноменология истории не сводится также и к теории *исторической науки*: она есть нечто *большее*, нежели «критика» наличной историографии или рефлексия над

основаниями исторического познания. Региональная онтология исторического возможна *до* и *без* всякой историографии, так как само историческое сущее для того, чтобы *быть историческим*, вовсе ещё не нуждается ни в какой историографии [11].

Феноменология истории и природы в качестве региональной онтологии раскрывает действительность *прежде*, чем к (изучению) этой действительности обращается соответствующая (позитивная) наука. Слово «прежде» здесь, разумеется, имеет не хронологический, но *логический* и/или *онтологический* смысл. Феноменология истории не *хронологически предшествует* историографии, но *онтологически фундирует* её. Всякая историография предполагает региональную онтологию как феноменологию исторического опыта. Но если *онтологически* региональная онтология (и соответственно, бытийный регион исторического) предшествует историографии с её очерченной «предметной областью», то *фактически* («эмпирически») всё обстоит, скорее наоборот: феноменология истории как региональная онтология имеет дело с *историческим*, которое так или иначе *уже понято, уже артикулировано*, в том числе (хотя и не единственно) и в модусе «научной историографии». Феноменология истории имеет дело со всякий раз уже истолкованной, так или иначе уже понятой и «интерпретированной» историей [12, с. 89–99].

Не будучи *изначально* теорией соответствующей науки, региональная онтология *подготавливает почву* для всякой теории наук: «Во-первых, для интерпретации их происхождения из донаучного опыта, во-вторых, для демонстрации их специфического подхода к пред-данной действительности, и, в-третьих, для определения того, как на основе такого исследования образуются понятия» [10, с. 8]. Региональная онтология, таким образом, имеет дело с *донаучным* (дотеоретическим, дорефлексивным) *опытом* того или иного сущего.

Выражение «донаучный опыт» может быть философски истолковано двояким образом. В нём может быть акцентирован аспект *предварительности*. Донаучный опыт в этом смысле есть то, что *подготавливает* собственно научную тематизацию того или иного сущего. Так, например, донаучный и дотеоретический *опыт истории*, с которым мы имеем дело в повседневности, в мифологии или в художественном творчестве, может с *самого начала* рассматриваться с точки зрения *условий возможности «научной историографии»*. Исторический опыт мыслится в этом случае так, как если бы он был изначально «чреват» «научной историографией». В определённом смысле так оно и есть. Однако в контексте герменевтической феноменологии «донаучный опыт» не сводится к *опыту, предваряющему науку*. В выражении «донаучный опыт» акцент может быть сделан не на его *предварительном* и *подготовительном*, а на его *исходном* и *первоначальном* характере. Донаучный опыт в этом случае не только *подготавливает* собственно научную тематизацию сущего, но и *фундирует* её. Наука в этом смысле перестает быть «истиной» и *мерилом* донаучного опыта и становится его *производной модификацией*.

Философия истории как региональная онтология, имеющая дело с донаучным опытом истории, не является изначально и по самой своей природе «рефлексией над основаниями историографии». Это, впрочем,

не означает, что философия истории как региональная онтология исторического и историография разворачиваются как бы в параллельных плоскостях и не пересекаются. Если историография стремится к более исходному пониманию своего предмета, она должна обратиться к опыту осмысления (или *переосмысления*) сущности истории и историчности в горизонте региональной онтологии.

Подведём итог. Бытийный регион не совпадает с предметной областью той или иной частной позитивной науки. «Бытийный регион» есть лишь *возможная* предметная область науки. Так, «история» как бытийный регион и бытийный феномен и «история» как предмет изучения и исследования историографии *онтологически* совсем не одно и то же. Историографии есть лишь *один из способов* или модусов тематизации, размыкания или «репрезентации» истории, исторического сущего. Историография может исследовать всё сущее, маркированное как «историческое», но лишь в определённом аспекте, в горизонте определённого «априорного проекта», каковым сама историография всегда и является.

Региональная онтология представляет собой *донаучную* тематизацию того или иного бытийного региона сущего. Следует, поэтому, чётко отличать онтологическое (дотеоретическое) понятие «*бытийного региона*» от методологического («теоретического») понятия «*предметной области науки*».

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen, 2001. 445 S.
2. Борисов Е., Инишев И., Фурс В. Практический поворот в постметафизической философии. Т. 1. Вильнюс: ЕГУ, 2008. 212 с.
3. Таллер Р. И. Дёмин И.В., Проблема соотношения фундаментальной и региональной онтологий в го-

ризонте герменевтической феноменологии М. Хайдеггера // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 1 (9). С. 182–189.

4. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / Пер. с нем. А.Г. Чернякова. СПб.: Изд-во Высшей религиозно-философской школы, 2001. 446 с.
5. Дёмин И.В. Соотношение подручного и наличного в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2.1 (93). С. 5–11.
6. Хайдеггер М. Цолликоновские семинары / Пер. с нем. И. Глухой. Вильнюс: ЕГУ, 2012. 406 с.
7. Хайдеггер М. Наука и осмысление // Хайдеггер М. *Время и бытие: статьи и выступления* / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 238–253.
8. Дёмин И.В. Соотношение региональных онтологий и частных наук в горизонте герменевтической феноменологии М. Хайдеггера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4–1. С. 58–61.
9. Паткуль А.Б. Понятие региона в феноменологии Э. Гуссерля и М. Хайдеггера // Логос. 2010. № 5 (78). С. 77–88.
10. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени / Пер. с нем. Е.В. Борисова. Томск: Водолей, 1998. 383 с.
11. Дёмин И.В. Философия истории как философия языка: осмысление истории в горизонте герменевтической и аналитической традиций // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 6 (26). С. 158–163.
12. Дёмин И.В. Философия истории как региональная онтология. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2012. 202 с.

#### THE CORRELATION OF THE CONCEPTS «EXISTENTIAL REGION» AND «SUBJECT AREA» IN THE CONTEXT OF HEIDEGGER'S FUNDAMENTAL ONTOLOGY

© 2014

*I.V. Demin*, candidate of philosophical sciences, senior lecturer of philosophy and history department  
*Samara State Aerospace University, Samara (Russia)*  
*N.M. Bogdanova*, postgraduate student,  
 assistant of the Department of methodology of sociological and marketing research  
*Samara State University, Samara (Russia)*

**Keywords:** existential region; subject area; regional ontology; hermeneutic phenomenology; history; Heidegger.

**Annotation:** This article provides a conceptual distinction of the concepts of «existential region» and «subject area», the value of this distinction for hermeneutic phenomenology is determined. The correlation of «existential region» and «subject area» is clarified on the materials of history (historical things) and is associated with the division of regional ontologies and private positive Sciences.